

РЫБАЛКА

Эмир Садыков

Эмир Садыков Рыбалка

<https://litres.ru/74235068>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самые светлые воспоминания рождаются из самых простых вещей. Рыбалка на Ивановском заливе стала для героя первым романтическим выездом на природу.

Эмир Садыков

Рыбалка

Р Ы Б А Л К А

В четвертом классе библиотекарь дала мне «Приключения Тома Сойера». Сначала эту книгу я прочитал на одном дыхании, а потом читал ее братьям вслух, причем много раз. Для нас эта книга стала чем-то вроде карты сокровищ: в ней все было про свободу, про побег, про жизнь без взрослых указаний... Я брал ее из библиотеки снова и снова - покупать книги мы не могли, да и книжных магазинов в наших краях будто и не существовало.

После каждой главы мне снились острова и пираты. Но сбежать по-настоящему я не хотел. Не потому что боялся, а потому что знал: это огорчит родителей. Да и куда бежать? Дальше районного центра, села Большое Нагаткино, я и не ходил, да и то только с отцом Нургали - к его друзьям-фронтвикам или на Сабантуй.

Зато я смогу в деревенском пруду организовать катание на чем-либо, но кроме старой автомобильной камеры у нас ничего не было.

На уроках труда я научился держать рубанок и забивать гвозди. Я мог сделать табуретку, а значит, думал я, смогу и лодку. Только вот досок не было, а на деревенской пилораме лежали не те, что нужны для лодки. И тогда я придумал плот.

Мы с Ирфаном и братьями решили взять бревна у деда Гайнуллы. Я пришел к нему, сердце мое колотилось так, будто я уже убежал. Дед посмотрел строго и спросил:

- Для чего тебе бревна?

Я выдохнул и выложил все: плот, пруд, шалаш, «как у Тома Сойера».

Дед хмыкнул в седые усы, будто хотел сказать: «Брось эту затею», но не сказал. Может, вспомнил себя мальчишкой, когда любая мечта казалась либо глупостью, либо подвигом. Он не стал отговаривать, даже помог довести бревна до берега на коровьей упряжке.

Плот мы собрали в камышах, в дальнем конце пруда, где вода стояла тихо, а камыши росли в полный рост и прятали нас от чужих глаз. Мы связывали бревна старыми ремнями от упряжки, тянули узлы до скрипа, проверяли, выдержит ли. Наш плот держался. Да, он был неровный, немного косяк, но настоящий.

Шалаш мы устроили в овраге, в укромном уголке, похожем на пещеру. Мы удлинили его палками, накидали травы сверху и внутри. Это был наш домик, наш остров.

Теперь нужен был план питания. Тут я вспомнил Тома и Гека: они ловили рыбу. В пруду рыбы не было, но в Тимерсянке ее хватало. Только снасти надо было сделать самим.

Крючки мы доставали у сборщика вторсырья: для этого мы собирали бумагу, ткань, металл. А костей, обглоданных собаками, в деревне было сколько угодно - их мы несли целыми мешками. Лески не знали, брали обычную нитку у мамы. Поплавки мастерили из коры, гусяного пера, а если везло - из пробки от шампанского. Грузила отливали из свинца. Удочка выходила простая: один крючок, нитка, грузило, поплавок. Но для нас она была настоящей, как у Тома Сойера.

И вот все было готово. Мы вышли еще до петушиного крика, когда деревня спала, а воздух был холодным и чистым. Был прохладный серый рассвет. В рюкзаках - снасти, хлеб, сковорода, соль, мука, масло... Мы шли к Тимерсянке, и каждый шаг казался шагом к свободе. На берегу речки на плакучих ивах ни один листочек не шевелился, ни один звук не нарушал утреннюю тишину природы. На листьях и травах бусинками еще блестела роса.

На реке мы выбрали самое глубокое местечко, и забросили удочки. Утро было ясным, без ветра, и вода сверкала как зеркало. На наше счастье, клев начался сразу: рыба брала жадно, будто знала, что мы впервые ловим всерьез. За час мы набрали небольшое ведерко пескарей, как мне показалось самых крупных и жирных - словом, достаточно, чтобы прокормить целую ораву, а для четверых мальчишек это казалось огромным богатством.

Когда мы вернулись к пруду, я почувствовал себя почти капитаном: улов, плот, наш шалаш. Мы с Ирфаном чистили

рыбу, и я видел, как после чистки улов будто уменьшился вдвое. Но мука все исправит, подумал я. Я же видел ни один раз, как мама дома готовит рыбу. Мы посолили, обваляли в муке и сложили рыбу в кастрюлю, спрятав ее в тень.

Пока горел походный костер, мы мигом сбросили с себя всю одежду- и давай гоняться друг за дружкой в неглубокой прозрачной воде, катались на плоту. Вода плескалась о бревна, над поверхностью прыгали водяные насекомые, квакали лягушки, а вдалеке, у посевов, на нас удивленно смотрели суслики. В тот момент казалось, что мы открыли целый мир. К костру мы вернулись удивительно свежие, счастливые и страшно голодные.

Вскоре белый слой пепла лежал на костре, и тонкий синий дымок поднимался прямо над ним. Я разогрел сковороду, капнул масла, положил рыбу. Сковорода зашипела, и мы почувствовали невероятно аппетитный запах жареной на природе рыбы. Через несколько минут рыба была готова. Мы разделили ее на четверых. Порции оказались маленькими, даже очень маленькими. Но мы ели молча, стараясь не показывать, что голод все еще сидит внутри. Мы тогда еще не знали, что чем быстрее приготовишь свежельовленную рыбу, тем она вкуснее на вкус, да и не думали о том, какой прекрасной приправой к еде служит беготня на открытом воздухе, купанье в речке, а также обычный голод. С утра из нас никто не завтракал, а время двигалось уже к обеду. Никогда еще простая жареная рыба не казалась нам такой вкусной.

Потом мы пошли в шалаш. Усталость накатила сразу: ранний подъем, ловля рыбы, игры в воде ... - сделали свое дело. Мы легли на траву и почти сразу задремали.

А потом небо изменилось.

Оно не просто потемнело - оно стало тяжелым, плотным, будто на него надели железный колпак. Из ниоткуда пришли тучи, гром ударил так, что земля дрогнула, молния прорезала небо, и следом хлынул ливень. Шалаш тут же промок: трава, которая казалась такой надежной, стала просто мокрой тряпкой. Холод пришел мгновенно.

Братья прижались ко мне. В их глазах был испуг, хотя они старались не плакать. Я обнял их, прижал к себе, чтобы от-
дать хоть немного тепла, и тихо сказал:

- Гроза пройдет, и мы пойдем домой.

Дождь барабанил по земле, вода стекала по нашим волосам, по плечам, по рукам. Мы сидели, прижавшись друг к другу, и ждали, когда небо успокоится.

И тогда я понял: приключение - это не только плот и рыба. Это еще и умение не растеряться, когда все идет не по плану. Это когда ты старший и должен сказать: «Все будет хорошо», даже если сам не очень в это веришь.

Так закончились наши «томосойеровские» приключения. Но я до сих пор помню тот плот, тот костер и тот момент, когда небо обрушилось на нас. И если внучка спрашивает: «А ты, правда, все это делал?» - я улыбаюсь и отвечаю:

- Правда. И знаешь, это было самое настоящее приключение.

Но тот день я больше запомнил не по улову - он был нормальный, - а по тому, как холод забирался под одежду, будто знал, куда именно бить.

Мне было лет шестнадцать- семнадцать, шел второй год обучения в Рязановском совхозе-техникуме. Я решил разнообразить студенческий стол жареными карасями. Старый ручной бур и удочку выпросил у однокурсника Миши Соколова - он был родом из села Лебяжье, расположенного недалеко от Рязаново.

Залив у Рязаново уже покрылся льдом. Он был ровный, будто кто-то старательно разгладил гигантское белое полотно, и лишь кое- где на снегу темнели легкие завихрения - следы порывистого ветра. На заснеженном льду можно было увидеть следы шин автомобиля УАЗ - широкие, глубокие, они тянулись от дороги к берегу, а потом обрывались, словно машина ненадолго остановилась, чтобы водитель полюбовался зимней тишиной.

Только у берега, где росли камыши, лед был неровный, напоминал стиральную доску: бугры и впадины чередовались друг за другом, будто вода перед тем, как застыть, долго билась о сухие стебли. Камыш, посеревший от холода, торчал из снега пучками, его жесткие метелки слегка покачивались

на ветру, словно пытались стряхнуть с себя ледяную глазурь.

Над заливом стояла звенящая тишина - та самая, какая бывает только в морозные дни, когда даже воздух будто застывает. Лишь изредка тишину нарушал короткий хруст: то ли лед давал едва заметную усадку, то ли где-то неподалеку пробежал заяц, оставляя на снегу цепочку аккуратных следов. Вдалеке, на фоне бледно-серого неба, чернели силуэты редких птиц - они кружили над камышами, выискивая хоть какое-то укрытие от ветра.

Холод здесь чувствовался особенно остро: он не просто щипал щеки, а будто пробирался под одежду, напоминая, что природа сейчас не склонна к уступкам. И все же в этой суровой красоте было что-то притягательное - строгая, почти графичная четкость линий, контраст темного камыша и ослепительно-белого снега, ровная гладь льда, уходящая к горизонту...

В памяти вдруг всплыла картина из детства: в центре комнаты стоит большой оцинкованный тазик с горячей водой, над которой поднимается густой пар. На краю - металлическая стиральная доска с частыми ребрами, потемневшая от времени и воды, рядом - кусок хозяйственного мыла и куча белья. Мама опускает вещь в воду, намыливает до густой пены, прижимает к доске и с ровным усилием ведет вниз. Руки у нее красные от горячей воды, но она не жалуется. Иногда лишь на секунду останавливается, растирает запястья - и снова берется за стирку...

Я прогнал воспоминание и пробрался к своей «счастливой» лунке - той самой, где, по словам Миши, местные рыбаки недавно вытащили трех приличных карасей. Сегодня мне предстояло испытать свое везение.

Старая лунка уже замерзла и была припорошена снегом. Черпака у меня не было, так что я счистил снег руками, а потом буром пробурил лед. Новая лунка получилась неровной, с острыми краями. Над ней поднялось белое облачко пара - будто вода хотела что-то сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.